

«Тихий» подвиг наших земляков

Т. Н. Минникова

Что значит для нас слово «Родина»? Для любого человека оно неизменно соотносится с представлениями о месте, где прошло его детство, сформировался характер, определились жизненные ценности и приоритеты. Только *на родине* человек ощущает себя истинно дома: ему понятны люди, живущие здесь; ему привычен и дорог пейзаж за окном. И если что-то вдруг меняется в этой связке, человек начинает беспокоиться, страдать душой и даже болеть.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

По-северному скромна и неброска природа Тосненской земли: густые буреломные леса и клюквенные болота, тихие торфяные речки и душистые луга, широко разметанные поля и загадочные тенистые перелески – все радует глаз своей незатейливой, но мудрой красотой. Так же по-своему замечательны и люди, населяющие этот край: они славятся скромностью и неприхотливостью в быту, терпением и трудолюбием, а главное – стремлением жить «по совести». Эти качества они унаследовали от предков.

У Тосненского района богатая история. В этническом составе народностей, населявших в древности эту землю, были, с одной стороны, представители финно-угорских народов – ижора и воль (которые в совокупности на русском языке именовались «чудь»), а с другой стороны – славяне (новгородские словены). Впоследствии (в XVII веке) на этой территории появилось финское население, так называемые ингерманландские финны.

Особенности жизни людей в ту далекую пору были традиционны: жители этих мест занимались в основном подсечным земледелием, промышляли охотой и рыболовством. Толчком к радикальным изменениям в экономической жизни

Указательные дощечки в Тосно

региона послужила реформаторская деятельность царя Петра I, а впоследствии – его праправнука, царя Николая I, повелевших проложить через эти земли сначала шоссейную, а затем и железную дороги, связавшие между собой две российские столицы. С этого момента селение Тосно начало приобретать статус населенного пункта особого стратегического значения, а территория прилегающего к нему района – территории с таким же особенным статусом.

Сегодня город Тосно, а вместе с ним и Тосненский район, представляет собой один из наиболее успешных центров Ленинградской области. Здесь активно и плодотворно работают крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, интенсивно развивается строительная и социальная сферы. Жизнь движется вперед, и как-то трудно поверить, что когда-то все это начиналось буквально с нуля, почти на пустом месте, потому что в годы минувшей войны Тосненская земля пережила величайшую в своей истории трагедию, приведшую к существенной потере матери-

ального и людского ресурсов. Как осмыслить этот факт? Существуют ли критерии, которые позволили бы нам оценить масштаб происшедшего?

ОККУПАЦИЯ

25 августа 1941 года немецкая армия, разметав нашу оборону в районе Чудово, стала стремительно развивать наступление вдоль железной и шоссейной дорог Москва–Ленинград. Уже к 15:00 того же дня немцы заняли Любань. Отсюда 12-я танковая, 121-я и 122-я пехотные дивизии вермахта, почти не встречая сопротивления, двинулись на Тосно, и 28 августа не только сам район, но и важный в стратегическом плане поселок Саблюно были полностью захвачены противником.

Нам, ныне живущим, отстоящим от тех драматических событий более чем на 70 лет, нелегко представить себе, что должны были испытывать наши земляки, в одночасье оказавшиеся в зоне оккупации. Помогают окупнуться в прошлое документы и свидетельства очевидцев: «...Немцы пришли к нам летним солнечным

днем. Шли как на парад, без единого выстрела. Техникой заполнили всю деревню. Нам было интересно на них поглядеть, и мы бегали между машин и танков. Они нас не трогали. Немцы ходили по домам и требовали кур и поросят»¹.

«28 августа в поселок Саблино вошли немцы. Тишина стояла такая, что от нее просто звенело в ушах. Даже собаки не лаяли. От страха душа разрывалась. К вечеру следующего дня по поселку медленной лавиной поползла немецкая техника, шли солдаты. Рядом с поссоветом, на Советской, фашисты установили дальнбойную пушку гаубицу»².

Отсюда 4 сентября немцы впервые произвели обстрел южных районов Ленинграда из 240-мм орудий КЗ (дальность стрельбы – 37,5 км, 152-килограммовый фугасный снаряд)³.

Надо ли говорить, как были напуганы жители захваченных городов и деревень? Многие перед самым приходом немцев, прихватив самое ценное, бросились в леса пережить беду. Уходили целыми семьями. В глухих же деревнях в лес бежало только мужское население. Но уже в первые дни немцы сделали все, чтобы вернуть беглецов обратно. Им пообещали мирную, без репрессий жизнь, и люди, поверив, потянулись назад, к своим домам.

Казалось, пока еще ничто не предвещало беды – вражеские солдаты вели себя по отношению к местным жителям почти что лояльно, даже угощали детишек леденцами и фотографировались на фоне деревенских изб. Но почему при этом они так нарочито демонстрировали свое вызывающе наглое (а точнее – бескультурное) поведение? Почему так холодно и тупо требовали выполнения своих даже самых абсурдных приказов?

ИХ «ЗАПОВЕДИ»

Никто тогда даже не подозревал, что, вступая в контакт с населением оккупированных территорий, каждый немецкий солдат в этот момент следовал «12-ти заповедям поведения немцев на Востоке и общения с русскими» от 1.06.1941 года за подписью группенфюрера СС Г. Бакке: «Поскольку вновь осваиваемые пространства должны быть приобретены для Германии

и Европы на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Не говорите, а делайте. Лакоичные, четкие указания подчиненным в приказной форме. Никаких объяснений и обоснований, ибо русские хотят видеть в наших людях руководителей. Русским импонирует только действие, так как сами они женоподобны и сентиментальны. “Велика наша страна и обильна, да нет в ней порядка. Приходите володеть нами” – таково изречение русских, относящееся к началу их государства и приглашению норманнов. Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Так же действует на них и вступление немцев. Тогда будет исполнено их желание: “Приходите и правьте нами”. Поэтому у русских не должно возникать впечатление, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми действия, которые без всякого философствования ставят задачу и дают четкие распоряжения. Тогда русский будет охотно вам подчиняться. Не будьте мягкотелы и сентиментальны! Если будете плакать вместе с русским, он будет счастлив, ибо потом сможет вас презирать. Только ваша (так в тексте. – Т. М.) воля должна быть решающей, но она должна быть направлена на выполнение крупных задач. Сохраняйте дистанцию между собой и русскими, ведь они не немцы, а славяне. Нищета, голод и неприязнательность – удел русского человека вот уже многие века. Его желудок растяжим, а потому никакого ложного сострадания. Не пытайтесь подходить к нему с германским жизненным стандартом в качестве мерил и изменять русский образ жизни. Исходя из многовекового опыта, русский видит в немце существо более высокого порядка. Заботьтесь о том, чтобы этот престиж немцев сохранялся»⁴.

Немецкие стратеги, вникнув в русскую историю, поняли в ней лишь одно: русский человек идеально подготовлен всем ее ходом к роли сентиментально-ущербного, умственно-тупого раба, способного бесконечно работать и бесконечно терпеть любые невзгоды и лишения («Где немцу смерть, там русскому одна только польза!»).

А раз так, то надо ли церемониться с таким убогим в цивилизационном отношении народом? И они не церемонились. Жителей

повыгоняли из домов в сараи, бани и землянки. У них изъяли (в пользу вермахта!) лыжи, патефоны, швейные машинки и другие ценные вещи, а также теплую одежду и продовольствие⁵. Их обложили непомерными податями в виде денежных налогов и поборов сельхозпродуктами, за невыполнение которых – любого вида поставок – им грозил расстрел. Их унижали всеми возможными способами, истязали и убивали за один лишь намек на неповиновение. А все лишь для того, чтобы эти «русские иваны» не строили иллюзий относительно своего будущего: «Они нужны нам как рабы...» (Гиммлер)⁶.

Русские, контактируя с немцами в первые дни оккупации, поначалу очень удивлялись их наивной, предельно «тупой» логике взаимоотношений с населением. Немцы же, свято убежденные, что хорошо поняли «загадочную русскую душу», просто претворяли в жизнь свои «12 заповедей» – пытались активизировать в «русских иванах» якобы «дремлющие» в них рабские инстинкты.

Ни один народ Европы еще не давал в руки своему врагу такого великолепного козыря – «Приходите княжить и владеть нами!» (Сказание о призвании варягов, «Повесть временных лет»). И возможно, только поэтому ни к одному народу Европы не применялись столь варварские методы «воспитания», а именно установление на оккупированных территориях немецкого «нового порядка».

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

В каждом населенном пункте этот «порядок» начинался с постройки виселицы, и редко когда это сооружение не использовалось по назначению: «...в Тосно вдоль всего проспекта Ленина тянулись виселицы, на которых раскачивались повешенные – в основном мужчины в ватниках...»⁷.

Можно утверждать, что сущностью «нового порядка» был жесточайший, ничем не прикрытый террор против мирного населения, и в этом смысле он ни в коем случае не являлся следствием каких-то аффективных, эмоциональных действий со стороны отдельных командиров войсковых частей, как это нередко преподносят нам неко-

торые западные историки, но был результатом холодного, трезвого расчета – заранее продуманной методики, выдвинутой «психологами» Третьего рейха для формирования в каждом конкретном человеке рабского сознания. Эта методика первоначально была апробирована в концлагерях Германии на собственном населении – недостаточно «чистом» с арийской точки зрения, а также на немецких коммунистах, пацифистах, христианах и др. И лишь затем она была применена уже против целого народа (в данном случае – советского).

Этот дичайший аспект поведения гитлеровцев на территории СССР нашел отражение в двух важнейших документах вермахта, выпущенных накануне войны под грифом «Секретно»: Директива «О поведении войск в России» от 19.05.1941 года и Указ «О военной юрисдикции и особых мероприятиях войск в зоне действия “Плана Барбаросса”» от 13.05.1941 года⁸. Последний являлся сердцевиной всех прочих подобных документов, ибо давал право каждому отдельному офицеру приводить в исполнение казни советских гражданских лиц без проведения формального судебного процесса. Этот указ позволял производить массовые репрессии против целых населенных пунктов и обязывал к радикальному пресечению любых форм сопротивления. При этом было достаточно даже подозрения. Одновременно указ гарантировал солдатам вермахта полную безнаказанность в осуществлении подобных действий.

Фашисты полагали, что, используя террор против мирных граждан, они шаг за шагом будут лишать их воли к сопротивлению и, следовательно, превращать в рабов. По их мнению, только всеобщий страх мог внушить жителям оккупированных районов мысль, что всякая борьба против немецкой армии невозможна, а потому бессмысленна.

На решение этой же задачи был брошен и весь гитлеровский пропагандистский аппарат⁹. Территория Ленинградской области была наводнена тысячами листовок и воззваний. При общем информационном голоде немцами на русском языке выпускались газеты по названию и внешнему виду схожие с

Под Каменкой

Женщины за работой

такими советскими изданиями, как «Правда», «За Родину» и т. п. Цель этой печатной продукции заключалась в дезинформации населения, в стремлении разжечь в нем низменные чувства и инстинкты.

Так, играя на чувствах людей, пострадавших в годы коллективизации, им давалось обещание вновь превратить их в единоличных хозяев, но при условии, что те будут активны в борьбе с большевизмом; предлагалось обеспечить преференциями любого, кто выдаст властям скрывающихся бойцов Красной армии, коммунистов, комсомольцев, евреев, советских служащих, партизан и лиц, им сочувствующих; людям предлагалось вступать в ряды добровольных помощников вермахта и т. п.

Следует обратить внимание на то, что «новый порядок» был направлен не только на разрушение народной души как таковой, но и на разрушение всего народного

«тела». Иными словами, тотальный террор был инструментом не только деморализации граждан СССР, но и инструментом их реального физического уничтожения.

Согласно плану «Ост», все завоеванные Германией земли подлежали обязательному «онемечиванию», и территория Ленинградской области (Ингерманландия) должна была подвергнуться этому процессу среди первых. Планировалось использовать бывшие немецкие колонии в Стрельне, а также создать сеть опорных поселенческих пунктов вдоль главных коммуникаций¹⁰. Оккупированные территории планировалось заселить немецкими колонистами, поэтому большое количество пленных и «избыток» гражданских лиц воспринималось немецкими властями как недостаток, который, правда, мог быть легко устранен средствами террора, а также искусственно установленного голода.

ГОЛОД

Впрочем, последнее скорее относилось к положению в концлагерях для советских военнопленных, которые на самом деле являлись для них подлинными лагерями смерти. Для мирного же населения голод начался вполне естественным путем. По мысли немецких штабистов, армия в ходе блицкрига («молниеносной войны» длительностью 8–10 недель) должна была полностью довольствоваться местным снабжением. Вот почему все продовольственные запасы местного населения немедленно изымались в ее пользу. Однако в дальнейшем немцы под Ленинградом из-за срыва стратегии блицкрига, а также растянутости коммуникаций и действий партизан постоянно испытывали проблемы с поставками продовольствия. Население же в этот период действительно голодало самым жесточайшим образом: «Хлеба нет с прихода немцев. Люди питаются картофелем, который жители частично успели припрятать до прихода немцев. До выпадения снега жители бродили по полям, подбирая колоски. Иногда немцы разрешают населению использовать мясо павших лошадей. Отбросы продуктов и объедки выдают детям и по очереди фотографируются с целью показа своей “благодарности”»¹¹.

Жестокость оккупационного режима в Ленинградской области усиливалась еще и тем, что на ее территории постоянно разворачивались напряженные бои, не прекращавшиеся вплоть до освобождения области в 1944 году. По этой причине здесь наблюдался очень высокий уровень концентрации немецких войск и, соответственно, в целях обеспечения их безопасности в прифронтовой и тыловой зонах действовали различные военно-карательные организации и команды. Они систематически проводили обыски, облавы, прочесывания местности в поисках партизан. В Тосненском районе карательным расправам подверглись жители деревень Кривино, Глубочка, Каменка, Червинская Лука, Киркино, п. Ульяновка, Дом инвалидов в Марьевской пустыни¹².

ЖЕСТОКОСТЬ

В крупных населенных пунктах проводились акции устрашения. «20 октября 1941 года в 8 часов в Тосно эйнзатцгруппа А в сотрудничестве со второй бригадой СС и полевой жандармерией провела проверку всех местных жителей. Все Тосно было окружено подразделениями бригады СС и все дома обследованы согласно заранее согласованному плану. Люди были направлены на большую площадь и проверены командой безопасности. Всего 156 человек были подвергнуты казни в период с 15 октября по 23 октября»¹³.

Свидетелям запомнилась иезуитская жестокость майора СС Краузе, военного коменданта гарнизона Тосно, ставшего виновником трагической гибели часового мастера Якова Цепняка. «Когда немцы заняли Тосно, эсэсовцы утопили часовщика-еврея в уборной. Староста неторопливо объяснил, как беднягу окунали, вытаскивали, снова окунали, пока он окончательно не захлебнулся. Жену его, русскую, не тронули. Дочь расстреляли: очень уж лицом походила на отца»¹⁴.

Согласно указаниям немецкого руководства, все зарегистрированное население от 14 до 55 (60) лет обязательно было нести трудовую повинность. Людей загоняли в трудовые лагеря, сходные по условиям содержания с концентрационными лагерями для военнопленных. Люди должны были

валить лес, настилать из бревен дороги, восстанавливать разрушенные коммуникации. Работа начиналась в 6–7 часов утра, длилась до ночи и оплачивалась либо жидкой баландой, либо 200–300 граммами эрзац-хлеба (с опилками и отрубями)¹⁵. Среди таких трудовых лагерей были и настоящие лагеря смерти: «Так, в Тосно один лагерь считался “Лагерь рабочих”: туда помещали тех, кто мог работать. Но был и “Лагерь смерти”, где находились старики и женщины с детьми. Этот лагерь находился в бывшем свиноводческом совхозе за городом. Совхоз состоял из трех барачков и домика. Барачки были тесные, холодные. Окна были забиты редкими досками. Земляной пол в барачках был покрыт свиным навозом, который не разрешали выбрасывать. Навоз гнил под телами людей. Барачки были обнесены колючей проволокой. У ворот стоял часовой. Питания никакого не давали. Ели траву, листья с деревьев, находившихся в лагере до колючей проволоки. Смертность была большая...»¹⁶.

И все же, и все же, и все же...

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Чем ожесточеннее фашисты «воспитывали» население, тем враждебнее оно воспринимало оккупантов. Не случайно в районе активно действовало подполье, проводились партизанские акции и диверсии. И хотя, согласно «новому порядку», за одного убитого гитлеровца полагалось расстрелять 10 заложников, молчаливое, глухое противостояние жителей только нарастало. Упрямый «русский иван», стиснув зубы работавший на хозяина-оккупанта, никак не хотел превращаться в идеального раба: «Население крайне озлоблено на немцев и с нетерпением ждет прихода Красной армии, однако внешне это никак не проявляется из-за боязни расстрела»¹⁷.

В сущности, с первых дней оккупации наши люди оказались в ситуации правового беспредела, когда жить по законам оккупантов было невозможно, но и исполнять советские законы тоже было нельзя. Таким образом, для них с приходом немцев началась особая жизнь – жизнь формально незаконная, но, по сути, опиравшаяся единственно на систему нравственных ценно-

стей, которая сформировалась в русском национальном характере за всю его предыдущую многовековую историю.

Не поднимается рука кинуть камень в тех, кто пытался выжить в тех нечеловеческих условиях, кто пытался спасти своих детей и близких разными, очень разными путями: и на немцев работали, и партизанам помогали, и грешили-подворовывали у тех же «фрицев» то, что плохо лежало, а иной раз и за чужого человека рисковали головой. Только предательства, сознательного доносительства, угодничества и участия в репрессиях – этого не прощали никому. Таких уничтожали беспощадно, сельским сходом выдавали партизанам. За тех же, кто, служа (подневольно) немцам, и о народе радел, – тех общество защищало до конца.

ОСТАЛОСЬ 110 ЧЕЛОВЕК

Даже в самые страшные годы оккупации наши люди не сомневались в том, что жизнь «под немцем» не вечна, что «будет и на нашей улице праздник». Но когда, казалось бы, их надежда начала обретать вполне реальные черты, на них обрушилось последнее, но, может быть, самое тяжелое испытание: осенью 1943 года почти всех жителей Тосненского района – женщин, стариков и детей – насильно вывезли на работу в Германию, Латвию и Эстонию. Спустя много лет в Тосно в одном из домов была найдена бутылка с запечатанными тремя письмами. Под каждым стояла подпись «Ольга». В письме от 2.08.43 г. говорилось: «Милые, родные, Коля, Иван, Клавдия, Надя, прощайте... Если бы вы знали, но вы никогда не узнаете, сколько рабочего унижения, сколько скотского отношения к себе переживаем мы. Все прежнее кажется сном». Другое письмо: «Милые, нас увозят. Спасите нас! Спасите! Увозят только из Тосно девять тысяч человек». И последнее письмо: «Прощайте, мужья, братья и сестры, и знайте, что верны мы были вам и нашей любимой Родине до последнего дыхания. Наша совесть, душа и тело чисты и до конца вам преданы. Прощайте!» (30.9.43 г.)¹⁸. Тосненцы уезжали в неизвестность в товарных вагонах, едва успев прихватить необходимое. Многие так и не вернулись назад.

Вокзал в Любани

Тосно. Вокзал. 1944 г.

Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея

А в январе 1944 года уже войска вермахта спешно покидали свои насиженные места под Ленинградом. Отступая, они использовали тактику «выжженной земли», уничтожив тем самым почти всю инфраструктуру ранее оккупированных районов, в их числе и Тосненского. Перед нашими наступающими войсками открылась страшная картина: разоренные деревни, выгоревшие дома, разрушенные вокзалы, взорванные мосты, искореженные железнодорожные пути. Но ужасна здесь была все же не столько разруха, сколько реальная безжизненность самой территории: «На 1 января 1941 года численность населения Тосненского района составляла 104 385 человек. При освобождении района находилось 110 человек»¹⁹.

Вдумаемся в эти цифры и обратим внимание на следующий факт: восстановление железной дороги в Любани началось тринадцатую (!) любанцами, спасшимися от угона²⁰. А вот сегодняшние данные: по итогам Всероссийской переписи 2010 года, численность населения Тосненского района составляет более 123,6 тысяч человек. По данным Санк-Петербургского комитета государственной статистики (лето 2013 года), в районе проживает более 129 тысяч человек²¹. Только так, совмещая статистические данные, можно представить, что значила для тосненцев война.

За годы оккупации в Тосненском районе полностью были разрушены 35 промышленных предприятий, 114 колхозов и шесть совхозов,

уничтожены 80 школ, семь домов отдыха, 10 клубов, девять больниц, два роддома. Исчезло с лица земли 70% населенных пунктов. С фронта не вернулось 6 тысяч человек и столько же погибло в оккупации²².

МЫ НЕ РАБЫ. РАБЫ НЕ МЫ

Мы восхищаемся мужеством тех, кто не побоялся в тылу врага с оружием в руках подняться на борьбу с захватчиками. Мы чтим память наших храбрых партизан и доблестных героев-подпольщиков. Но, вспоминая об ужасах войны, мы не должны упускать из виду и еще один важный аспект тех событий: фактор молчаливого сопротивления мирного населения фашистам. Казалось бы, это был вопрос только физического выживания каждой отдельной семьи, каждого конкретного человека. Но здесь вдруг выясняется, что физического выживания не любой ценой, и в этом, пожалуй, заключается главный урок нашей истории.

Наши люди, вопреки кошмарной реальности тогдашней жизни, не только в своей массе не одичали (как это планировалось немцами), но, наоборот, остались способными к проявлению таких высоких человеческих качеств, как любовь, верность, милосердие, бескорыстие, взаимопомощь, самоотверженность. Именно это стало причиной того, что уровень правового сознания населения оккупированных территорий Ленинградской области на протяжении всего периода оккупации продолжал оставаться очень высоким (о чем свидетельствуют документы²³).

Именно пресловутая русская «сентиментальность», которой так боялись и которую так презирали фашисты, не позволила русским превратиться в рабов. Немцы так и не поняли ни русской истории, ни русской души, ни русского характера.

Человека ведь делает человеком отнюдь не деятельность сама по себе, даже во имя чего-то высокого. Суть не в действии как таковом, а в отношениях, которые формируются в процессе деятельности. Если отношения будут добрыми, то и строиться будет гармоничное Целое, и создаваться будет подлинно Великое. Таким Великим для русского человека всегда была Родина, Россия.

Любя ее, он включает в это чувство и людей, живущих на родной земле, и пейзаж, который его окружает. Вот почему человек, любящий Родину, остается человеком при любых обстоятельствах. Так что по большому счету можно сказать, что наших земляков от духовного разрушения (а прессинг был беспрецедентным) спасло их исключительное чувство любви к Родине.

Именно оно же позвало тосненцев и из «неметчины» в обратный путь. Знали, что будет тяжело, но все-таки рвались домой. А родная земля между тем встретила их отнюдь не пирогами. Большинство из них было поражено в гражданских правах, многие побывали в трудовых и фильтрационных лагерях

НКВД, практически все испытали крайнюю нужду послевоенной жизни. Но, несмотря ни на что, они возвращались домой, чтобы поднимать, строить, возрождать новую жизнь. И возродили. И народили детей. Не случайно наш регион (Ленинградская область) признан учеными одним из двадцати основных регионов – генетических доноров русского генофонда²⁴. Все это стало возможно только потому, что каждый из тех, кто возвращался в «родные пенаты», потенциально нес в себе духовное зерно нации, в котором сведены воедино и патриотическое чувство, и чувство любви, и чувство достоинства русского человека.

Размышляя о «тихом подвиге» наших земляков, теперь особенно

понятной становится мысль, высказанная нашим великим национальным поэтом А. С. Пушкиным:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.*

К этим гениальным строкам нечего прибавить, разве лишь то, что сама жизнь подтвердила их справедливость, и тот, кто прошел выпавшие на его долю испытания с честью, фактически сделал для России максимум из возможного.

¹ Воспоминания Бронзовой Е. В. // Тосненский вестник. 2000. 15 июля. («Любанцы вспоминают»).

² Воспоминания жителя п. Ульяновка // Тосненский вестник. 1997. 25 января.

³ Бешанов В. Ленинградская оборона. Минск: Харвест, 2006. С. 94.

⁴ Материалы выставки: «Самый длинный день. 22 июня 1941 года» в Музее политической истории России: «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения с русскими» от 1.06.1941 г. // Федеральный архив // Военный архив. Фрайбург. ФРГ. Германо-Российский музей Берлин – Карлсхорст.

⁵ «Власть, которая грабит население...» // Ист. архив. 2000. № 2. С. 131–139.

⁶ Гиммлер: материалы Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

⁷ Воспоминания Громовой Е. М. // Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.

⁸ Директива «О поведении войск в России» от 19.05.1941 г. и Указ «О военной юрисдикции и особых мероприятиях войск в зоне действия «Плана Барбаросса» от 13.05.1941 г. // Федеральный архив // Военный архив. Фрайбург. ФРГ. Германо-Российский музей Берлин – Карлсхорст.

⁹ О немецкой пропаганде на территории оккупированной Ленинградской области: по материалам Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

¹⁰ Документальный проект «Холокост у стен Ленинграда» (интернет-проект).

¹¹ История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности. Лето 1941 – зима 1941/1942 г. // Военно-исторический журнал. 2007. № 1.

¹² Дмитриев П. В. // Ленинское знамя. 1984. 25 января. («В те жестокие годы»).

¹³ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб., 2000. О жителях Тосненского района см. документ № 31. С. 165.

¹⁴ Клейн А. Дитя смерти. Невыдуманный роман. Сыктывкар, 1993. С. 82.

¹⁵ Воспоминания Ефимовой А. // Тосненский вестник. 1993. 8 июля.

¹⁶ Воспоминания Громовой Е. М. // Материалы Тосненского историко-краеведческого музея.

¹⁷ Из сообщения УНКВД по Ленинградской области № 9744 в областной комитет ВКП(б) и командованию Лен. фронта о положении в районах области, занятых немецкими войсками. 5 ноября 1941 года.

¹⁸ Соколинский З. Письма в бутылке // Ленинское знамя. 1969. 11 февраля.

¹⁹ Акт расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Тосненскому району // Книга Памяти. Т. 41. СПб.: Вести, 2006. (РФ Ленинградская область).

²⁰ Тосненский вестник. 2004. 6 января.

²¹ Тосненский вестник. 2013. 31 июля.

²² По материалам Тосненского историко-краеведческого музея.

²³ Волоковых Н. П. К вопросу о правовом сознании населения оккупированной территории Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Кириши, 2000. С. 40.

²⁴ Балановский О. П., Балановская Е. В. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С. 312.

